

Тема удовольствия в рассказе Е. Шкловского «Похитители авто» и восточной притче

М.А. Бологова
НОВОСИБИРСК

Рассказ «Похитители авто» (кн. «Та страна», 2000¹) варьирует характерную для писателя тему одержимости человека некой манией, страстью, которую он пытается удовлетворить, но это не всегда для него хорошо кончается (чаще очень плохо). Слова «удовольствие» в этом рассказе нет, но описания ощущений героев («восторг и нежность», «подолгу разглядывали», «любовались», «я любил эти походы», «волшебство и азарт», «наша страсть» и др.) заставляют предположить, что все совершается ими ради получаемого наслаждения, радости, удовольствия. Но вот на вопрос, от чего именно и как именно они это удовольствие получают, ответить, исходя из текста, не так легко, в силу многоплановости и усложненности структуры этого ощущения. Одной из возможных интерпретаций здесь может быть интерпретация с помощью притчи², особенно суфийской, где мотив удовольствия присутствует постоянно. Обоснованием подобной интерпретации может служить то, что сам сюжет рассказа³ напоминает лейтмотив притч суфийской традиции – об обретении духовных сокровищ подлинных или мнимых, символически выраженных через материальные предметы. Лапа, как герой притчи совершает свои деяния не просто так, но именно ради обретения конечного смысла: «Он запал, признавался, на “джип”, какой-нибудь “лендровер” или “чероки”, просторный и мощный. Символ осмысленности жизни и ее неуклонного движения по пути прогресса» (235). Хотя герой ищет пути, прогресса и смысла, но на этом пути

¹ Шкловский Е.А. Та страна. М., 2000. Страницы этого издания указаны в скобках в тексте работы.

² Все притчи цитируются по материалам сайта: <http://www.pritchi.ru>.

³ Фабула: герои в детстве воруют игрушечные автомобили из магазинов, это прекращается, когда «авто» помещают под стекло, однако друг рассказчика не останавливается и начинает зарабатывать угоном иномарок, за что вынужден поплатиться.

не обладает достаточным умом, просветленностью и знанием действительной нужды, поэтому конец его печален, как у героев многих притч «Сказок дервишей» Идриса Шаха («Железный подсвечник», «Наследство», «Ворота в рай», «Сказание о чае», «Король, решивший стать щедрым», «Четыре волшебных предмета», «Хлеб и драгоценности», «Рыбак и джинн», «Три совета», «Посвящение Малика Динара», «Три драгоценных кольца» и др.). Сокровища обретают лишь достигшие подлинных духовных высот («Золотое сокровище», «Ударь в этом месте», «Своенравная принцесса», «Фатима-прядильщица», «Притча о жадных сыновьях», «Маруф-башмачник» и др.).

В суфийской притче удовольствие не осуждается само по себе (как в притчах индуистской традиции или ведических притчах, буддистских¹), но часто ставится под сомнение, удовольствие удовольствию рознь. Некоторые из этих притч имеют прямое отношение к мотивной структуре рассказа. Другие – более опосредованное.

Об отношении удовольствия к цели жизни притча «Муравей и стрекоза». Если благоразумный муравей на нектар только смотрит, то летающая стрекоза его берет. Муравей начинает допрашивать стрекозу о ее плане и цели: «Если у тебя нет ни реальной, ни относительной цели, каков же смысл твоей жизни и каким будет ее конец?». Стрекоза любит удовольствия момента и отказывается от циклического плана принципиально. Она воплощение спонтанных действий, что и приводит ее под топор мясника, а муравью, утаскивающему как добычу половину ее трупа, позволяет бормотать себе под нос: «Наслаждение казалось тебе важным, но оно мимолетно. Ты жила ради того, чтобы поесть и, в конце концов, самой быть съеденной. Когда я тебя предостерегал, ты решила, что я брызга и отравляю тебе удовольствие». Стремящегося к удовольствию уничтожат случайно, а благоразумный извлечет из этого пользу себе. Рассказ Шкловского тоже выводит на конфликт удовольствия и пользы, прикрытый флером ностальгии о былом. Но его разрешение не басенное. Удовольствие губительно, если теряет свою чистоту, если происходит попытка поймать двух зайцев – выгоду и радость (при том что аморальным удовольствие быть может,

¹ «Не верить себя порочному кругу рождения и смерти или удовольствия и боли есть великая Нирвана», но сам этот круг есть желание нирваны («Чувствуй это!», дзенская притча). Понять эту истину нельзя умом (означает упустить ее) – только почувствовать. Герои рассказа полностью верили себя этому кругу, как процессом похищения, так и отказом от него. Из-за «удовольствий от пяти желаний: желание пищи, питья, сна, чувственных наслаждений, богатства» люди «теряют огонь – благость заслуг и воду – соблюдение обетов» («Огонь и холодная вода», «Сутра ста притч – Бай Юй Цзин»). «Есть две крайности, избегать которых обязан тот, кто ведет духовный образ жизни. <...> Одна – жизнь среди сладострастия, похотей, наслаждений: это низко, неблагоприятно, не духовно, недостойно, ничтожно. Другая – жизнь среди самоистязания: это грустно, недостойно, ничтожно. Совершенный, монахи, избегай двух крайностей и вступи на тот совершенный путь, где ум и взор его просветляются, на тот путь, который ведет к покою, познанию, просвещению, к Нирване» («Святая истина», буддийская притча). Привязанность к телу и обеспечение ему наслаждений не дает узнать истины («Сущее», буддийская притча).

но оно должно быть беспримесным, чтобы не уничтожить своего субъекта). Благоразумный – вовремя остановившийся, испытывает не радость и личную выгоду, но печаль наблюдателя, который ничего не может сделать (кроме уговоров и предостережений: «Лапа, приятель, что делать, жизнь – хитрая штука!», 235) и не обладает точным знанием («Теперь разве узнаешь?..», 235).

Вопрос о соотношении моральности и законности удовольствия ставится в другой суфийской притче – «Белка». Узаконенные удовольствия подобны игре мальчиков белкой: они связали ей лапы и перебрасывают друг друга, и сильно негодуют на старшего мальчика (= учителя), прекратившего это увлечение. Радость от товарищества не всегда безвредна: «Я уверен, что если бы не эта сценка, я никогда бы не почувствовал родства этих ситуаций, и не осознал бы скрытых опасностей, в том, что мы считаем законными удовольствиями. С тех самых пор, и на протяжении всей моей жизни, я часто обнаруживал что то, что кажется желанным, достигается за счет потери чего-то иного, а то, что доставляет людям удовольствие, даже если это “искренние” люди, может развить в них желание к неожиданным порокам». В рассказе Шкловского также идет речь о товариществе, возникающем из общего удовольствия, родства душ на основе одного увлечения, и однако, все совсем не так прекрасно романтично, как представляется рассказчику (ср., например, дружбу в «Трех товарищах» Ремарка, где у героев общая авторемонтная мастерская и любовь к гоночному автомобилю). А удовольствие от созерцания красивых предметов порождает «порок»: «и воровством это можно было назвать лишь условно» (234), – но все же это воровство.

В притче о Ходже Насреддине «Удовольствие от покупок» содержится весьма близкая героям рассказа Шкловского мысль, но опять же с одним существенным расхождением. Деньги все портят и обесценивают, покупка не может доставить удовольствия в принципе, поскольку радость доставляет лишь недоступное, то, чем трудно овладеть (лейтмотив рассказов этого раздела книги). «То, чего нельзя потрогать и чем нельзя обладать, получает над нами еще большую власть» (234). Ходжу Насреддина принимают за воришку, поскольку он приглядывается, но ничего не покупает. Однако у Ходжи полный кошелек золота: «Но сегодня меня пригласил для беседы наш правитель Тимур, и, провозжая до ворот, дал этот кошелек. Он сказал: “Милый ходжа, я хочу, чтобы ты пошел на базар и купил что-нибудь такое, что способно доставить тебе маленькое человеческое удовольствие”. Вот уже четвертый час я брожу здесь и выяснил за это время, что маленькое человеческое удовольствие можно получить лишь бесплатно – выбирая и прицениваясь. Но, заплатив деньги, немедленно его теряешь». Насреддин также теряет удовольствие от оплаты, но при этом он и не нуждается в удовольствии от обладания. Он играет в обладание, не переходя той грани, где начинается это «маленькое человеческое удовольствие», тогда как герои рассказа за эту грань выходят. Удовольствие Насреддина любоваться разнообразием предметов мира, опять же, более чистое в силу своей отстраненности, игрового участия в обычной жизни. Героям рассказа не удается удержать игровую ноту, страсть завладевает ими своими разнообразными оттенками. В то же время, если удовольствие Насреддина подчеркнуто «человеческое», самое обыденное, которое постоянно позволяет себе каждый, то удовольствие героев рассказа становится демоническим, сверхче-

ловеческим, поскольку здесь требуются особые таланты; выносит их за пределы обыденной человеческой жизни (о которой практически и не говорится – она вся вынесена за скобки, поскольку вне страсти), что выражено и в метафоре «заповедной планеты... в дали звездных миров», которую видят герои.

То, что выбирающие жизнь в свое удовольствие плохо кончают (накладывают на себя руки, погибают от безрассудного поступка и т.д.) не только мысль ведической притчи («24 гуру Авадутьты») или Л. Толстого («Три сына»). То же в притче «Судьба Омара». Он купец (т.е. находит удовольствие в торговле), когда «драгоценные камни и золото растащили воры», он просит у судьбы смерти, но получает возвращение и умножение богатств и наслаждений «жизнью и прелестями этого мира». Именно тогда и является за ним Ангел Смерти. Омар обманывает его, испросив отсрочку помолиться, за что наказан: «Я пришел за тобой вовсе не для того, чтобы отвести тебя в рай. Для этого я приходил раньше, но, помнишь, ты ведь обманул меня, поэтому для тебя теперь иной путь. Тебе уготована дорога в нижние миры, ибо рай у тебя уже был здесь, на земле». Менее моралистично и более точно эта идея выражена в суфийской притче (из «Алхимии счастья» XI века) «В парфюмерном ряду» о мусорщике, потерявшем сознание от обступивших его запахов и очнувшимся только от дурного запаха. «Если ты сохранишь свою привязанность к нескольким знакомым вещам, ты станешь несчастным, подобно мусорщику, очутившемуся в парфюмерном ряду». Удовольствие в рассказе Шкловского возникает именно из избирательной привязанности к конкретным вещам. Именно это делает жизнь одного из героев пресной вне этих предметов, а жизнь другого уже находится от них в наркотической зависимости, когда удовольствие становится уже скорее мечтой, чем реальностью, а его источник теперь лишь поддерживает жизнь. То, что за удовольствием следует несоразмерная расплата, видимо, уже невытравимая из менталитета аксиома. Притча об Омаре выражает также идею цикличности удовольствия, необходимости контраста для него. Еще более очевидно идея расплаты выражена в суфийской притче «Мышь и слон»: «Мышь и слон полюбили друг друга. В брачную ночь слон повернул ногу, упал, ударился и остался лежать бездыханным. – О, судьба! – заголосила мышь. – Я купила миг удовольствия и тонны воображения за цену всей жизни, посвященной копании могилы!»¹. Удовольствие в большей сте-

¹ В «Сутре ста притч» неоднократно высказывается мысль, что наслаждение – удел недалёковидных глупцов, за него придется серьезно поплатиться. Может подчеркиваться ирреальность наслаждения как награды за что-то. Правитель пообещал деньги музыкантам. «Когда вы играли для меня, то услаждали мои уши, да и только. Суля вам деньги, я тоже услаждал ваш слух. С воздаянием в мире дело обстоит так же. Хотя те, кто из мира людей попадает на небеса, и получают ничтожное наслаждение, в нем нет ничего реального. Оно непостоянно, преходяще, его нельзя удержать надолго» («Обещанная плата за музыку», «Сутра ста притч – Бай Юй Цзин»). Но в отличие от обещания оплаты наслаждение самой музыкой более реально. «Безрассудно принимая плотские наслаждения, они не думают, что все это непостоянно» («Голубь и голубка», там же). Глупцы «с жадностью предаются наслаждениям нынешней жизни, подвергают мучениям все живые твари» («Содранное мясо», там же). Ради

пени принадлежит миру воображения, страдание же из-за него – миру материальному. Эта двойная мера также отражена в рассказе Шкловского – путешествия на красивых «авто» воображаемы, а в финале «худшее».

Удовольствие доставляет разговор о себе, познание себя. Так в суфийской притче «Доказательство лисы» кролик попросил ее предъявить подтверждающий документ. «Она начала читать документ. Лисе это доставляло такое удовольствие, что она задерживалась на каждом параграфе, чтобы продлить его». Получая это удовольствие, лиса лишается другого – возможности съесть кролика, который убежал. В каком-то смысле рассказчик выходит на этот новый виток удовольствия, воскрешая пережитое когда-то в тексте, хотя это не отражено ни в рефлексии, ни в интонации повествования, но, несомненно, содержится в его интенции, определяет смысл самого действия письма (тем более что рассказчику ведомо о наслаждениях графомана, 234).

Традиционно поощряемое удовольствие состоит в удовольствии отдавать, дарить, быть гостеприимным¹. Однако оно может быть подложным: дарящий не должен при этом ожидать для себя выгоды или пользы, дополнительных удовольствий в виде изъявления благодарности. Задача святых учителей – разоблачать такие случаи, указывать на заблуждение. Правитель зовет мудреца во дворец: «Просто чтобы доставить мне удовольствие. Пожалуйста, пойдем со мною в город, в мой дворец, и возьми у меня что-нибудь». В его молитвах мудрец слышит бесконечное «дай», обращенное к Богу. Притча называется «Я не беру у нищих», тот, кто просит еще, – сам нищий. Лапа и рассказчик берут без спроса, как истинно свое, причем для Лапы это абсолютно естественно, это его стихия. (Этому обучает лису лев из предыдущей притчи, говоря оленю: «Когда я не голоден, мне нет нужды беспокоить тебя, когда же я хочу есть, то ты не нуждаешься ни в каких писульках»). Лапа – хищник (однокоренное слово к «похитители»), он удовлетворяет естественный голод души, не заботясь о флере. В притчах поощряется удовольствие щедрости: «Но вот однажды он задумался над тем, что отдает только малую часть своих богатств и что истинная цена его щедрости ничтожна по сравнению с удовольствием, которое она ему доставляет. И он тут же решил раздать все до последнего гроша на благо людей» («Золотое сокровище», суфийская притча). За это Малик достигает возможности осознать свое истинное «я», оно превращается в

наслаждения плодами глупец срубает дерево, не получая ничего. «Люди в мире поступают так же. У властителя Закона Жулая (Будды) было дерево соблюдения обетов. На нем вызревали превосходнейшие плоды. Но в душах возникла жажда наслаждений. Люди захотели отведать этих плодов. Им следовало для этого соблюдать обеты, практиковаться во всех благостных деяниях. Они же, напротив, не разбираясь в способах, нарушили запреты» («Дерево с прекрасными плодами», там же). И Лапа, и рассказчик, принадлежат этому миру, однако внутри него подобный взгляд отсутствует, как и осознание какой бы то ни было «глупости».

¹ Получение удовольствия от гостеприимства, как и от путешествия, одно из самых традиционных. «Тот же оказался столь гостеприимным, что шахзаде с удовольствием пробыл у него целую неделю» («Предопределение», суфийская притча).

золотую статую, и Малик может ежедневно продолжать раздавать сокровища своего «я» (ср. также притчу о радже, который ежедневно давал себя зажарить, съесть и воскресить вновь ради золота, которое он мог раздать нуждающимся – «Великодушные раджи», индийская притча). «Низшее поведение – это то, которому учат детей, и оно является важной частью их подготовки. Оно заключается в получении удовольствия от того, чтобы давать и принимать. Но высшее поведение – давать, не привязываясь словами или мыслями ни к какой плате за это. <...> Отделитесь от удовольствий низшего рода, таких, как думать, что вы сделали что-то хорошее, и осознайте высокое достижение – делать нечто действительно полезное» («Дарь», суфийская притча). Мастер отдает в помощь бедняку свои туфли «с удовольствием. Продолжай заниматься своей работой, и все будет в порядке, ни о чем не беспокойся» («Туфли мастера», индийская притча, – понимающий аромат мудрости отдает за них целое состояние). Лапа крадет не только для себя, но щедро одаривает более робкого друга. Но щедро он отдает не свое, но присвоенное, щедростью не обладают и те, у кого приходится воровать. Он раздает не себя самого, но свою страсть и свою алчность, вовлекая в них другого. В то же время рассказчику в итоге он отдает не какую-то деталь своего облика (хотя в рассказе он складывается из отдельных деталей: «тусклые, словно выцветшие голубые глаза», вспыхивающие огнем, рябинки от оспин, курносое лицо, братнина куртка «мешком», «олух... с заплетающимися ногами» и т.д.), но свой образ в его завершенности (благодаря завершенности жизненного пути) не для физического, но духовного обогащения рефлексией и памятью. В то же время его удовольствие не «низшего рода», поскольку постоянно оправдывается более высокими материями, возвышается: «Убежден, что делал он это исключительно из энтузиазма, который не выветрился из него с тех самых пор, как мы посещали магазины с игрушками» (235). «Причем здесь воровство, если восхищение и нежность? И поймать нас было трудно, почти невозможно. Ангел нас хранил (ср. святой дервиш – М.Б.)» (234). Сама фабула рассказа содержит переход на более высокую ступень в одном и том же удовольствии.

Истинные суфии получают удовольствие от мучений лжесуфиев. «Ну что ж, с удовольствием посмотрю, как это у тебя получится, – ответил мельник, который был истинным суфием. – Если бы ты умел добиваться исполнения своих желаний таким образом, тебе не пришлось бы сейчас стоять передо мной и пытаться заставить меня смолоть твое зерно» («Проклятие» – лжесуфий грозит проклясть мельника, если его зерно не будет смолото). «Каждый раз, когда дервиш появлялся на собрании, он задавал мнимому суфию нелепый вопрос. <...> но удовольствие, которое я получаю, видя вас столь раздраженным, – единственный мой недостаток» («Барбара и лжесуфий»). Точно так же в «Степном волке» Гессе Моцарт развеивает иллюзии героя: «С искренним удовольствием наблюдал он за моими муками, вертел проклятые винтики, перематывал жестяную воронку. Смеясь, продолжал он цедить обезображенную, обездушенную и отравленную музыку, смеясь, отвечал мне...». Удовольствие устанавливать истину, удовольствие уничтожать ложь, разоблачать подделку – этого нет в рассказе Шкловского. Скорее есть удовольствие создавать тайны, недоговоренности, умолчания, но и удовольствие разрушать любую материальную преграду и защиту.

Удовольствие доставляют взятки, несправедно получаемые «дары» (татарская притча «Если каркает ворона», индийская притча «Находчивый заяц»), это достаточно близко к воровству, хотя удовольствие kleптомании нам в притчах обнаружить не удалось – воруют из нужды и ради наживы, вне связи с удовольствием, тем более эстетическим.

Рассказ представляет собой попытку понять феномен страсти к похищению «авто», владевшей человеком, один из возможных ответов героев на вопрос о его сути – ценность ощущений во время самого процесса. Похожая ситуация и похожий ответ имеются в суфийской притче «Клад», где один из спрашивающих о духовных истинах говорит: «Я нашел удовольствие в самом процессе поиска: это и есть его смысл?», – тогда как остальные просто выражают различные сомнения. Учитель на примере рассказа о поисках сокровищ объясняет, что все, кто «занимался дебатами и болтовней», «становились жертвами заблуждений и вымыслов». Преуспевшие же в поисках были только настойчивы – и молчаливы, они же, найдя, перепрятали клад. В этом смысле рассказчику не доступно уловить суть как «болтуну», но он может указать на возможность существования сокровищ другим. Лапа – человек только действия, но и его добывание клада в итоге неудачно, он из тех, кто нашел не сундук, но «черепицу» («некоторые находили осколки черепицы и время от времени думали, что это и есть сокровище»). В то же время, возможно, что владеющая человеком страсть к «сокровищу» есть обречение его образа.

Тема удовольствия возникает и в даосских притчах. Так, там возникает мотив некоторой ненормальности удовольствия конкретного индивида для большинства, его тенденции к исключительности. Удовольствие поэтому также чаще вызывает неприятие и неодобрение. Чье-то удовольствие всегда покажется кому-то странным, нуждающимся в сокрытии, если невозможно заставить отказаться от него насовсем. Так в притче «О манерах и еде» Мудрая Свинья поясняет, что получает двойное удовольствие от пищи, если прикасается к ней ногами. На вопрос о несовместимости этого действия с хорошими манерами она отвечает: «Манеры предназначены для окружающих, а удовольствие для себя. Если основа удовольствия исходит от моей природы, то само удовольствие приносит пользу. <...> Когда манеры приносят мне больше пользы, чем удовольствия, я не ставлю ноги в еду». Удовольствие героев рассказа Шкловского также противоречит манерам хорошего поведения. Однако они не отказываются от одного ради другого. В моральных нормах, в отличие от этикетных, всегда возможна двойственность, когда одно с успехом закрывает другое, здесь – «чистосердечные глаза» прикрывают все. В магазине «пристыжены изумленно улыбающейся Лапиной физиономией... Он кротко недоумевал, зачем это делают с ним. Не негодовал, не сопротивлялся, а просто тихо и тупо улыбался. И впрямь, что они там искали?» (233). Здесь удовольствие неотделимо от его сокрытия, от тайны. И хотя впоследствии рассказчик утверждает, что «машинки так и стояли у меня на полочке в шкафу, на самом видном месте» (235), – покров тайны столь силен, что не привлекает ничьего внимания (например, родителей, о которых в рассказе нет никакого упоминания, как, впрочем, о любых друзьях, родственниках или знакомых). Удовольствие изолирует от мира, заставляя лишь прикидываться принадлежащим ему, носить личину. В то же время есть удовольствия для толпы, и когда человек не

способен разделять их, но в то же время пребывает в состоянии постоянной радости и удовлетворения жизни, то уже говорится о счастье. «Он много бывал в разъездах и не участвовал в том, что было дорого и важно для других людей, ни в политике, ни в торговле, ни в празднике стрелков, ни в балах, ни в умных разговорах об искусстве и ни в чем другом, от чего они получали удовольствие. Он стал чудаком и полудурком» (Г. Гессе, «Художник»). Но сам он «опьянен» своим *счастьем*. «После того как это величественное ощущение повторилось несколько раз, художника охватило всеобъемлющее чувство счастья, насыщенное и глубокое, как золото вечернего солнца или садовый аромат. Он упивался им, оно было сладким и тяжелым, но он не мог долго его переносить, оно было слишком сильным, его распирало, он был в напряжении и возбуждении, почти доходя до ужаса и бешенства. Это чувство было сильнее его, оно захватывало, уносило, он боялся утонуть в нем. А он этого не хотел. Он хотел жить, жить вечно! Никогда, никогда не желал он жить так искренне, как теперь!».

Тот, кто способен испытывать не понятное всем и каждому удовольствие, непременно переходит границу между разными мирами, не принадлежит одной системе ценностей, даже если избрал ее как доминирующую. Так происходит в притче Г. Гессе «Исповедники», где один упрекает другого именно в испытанном удовольствии, вместо гнева и проклятий. «Умный монолог всезнающего паломника доставляет ему удовольствие, как будто даже вызывает его участие, ибо Дион не только весь обратился в слух, но даже улыбался и частенько кивал в ответ речам, словно они были ему по душе». Призывая Иосифа, который считает, что одно учение может быть только вместо другого, но не одновременно с ним, к терпимости и толерантности, Дион признается: «Поистине я слушал этого умного человека не без удовольствия, ты это правильно подметил. Удовольствие мне доставляло его умение говорить, его обильная ученость, но, прежде всего то, что он напомнил мне мою молодость, ибо в молодые годы я занимался этими же науками». Удовольствие доставляет то, чего нет в повседневном мире, что воскресает неожиданно в чужой жизни, пусть умерло в своей. Для рассказчика Шкловского «все уже было..., можно было только оглядываться и терпеть». Удовольствие по природе своей иномирно, оно преходяще, и, как правило, находится в прошлом, посылая в настоящее лишь свои отсветы. Попытка продлить его бесконечно и поместить источник как цель в будущее приводит к прерыванию жизни вообще.

Удовольствие от речей – это тоже удовольствие брать, обладать. «Они поехали вместе в колеснице, и Панду дорогою слушал с удовольствием поучительные речи Наряды» (Л. Толстой, «Карма»; брамин слушает монаха). Далее брамин стремится лишь к личной выгоде, с легкостью причиняя страдания другим, однако разъяснения законов кармы помогают ему жить более праведно. Здесь же есть еще один персонаж, удовольствие которого уже вышло за пределы обладания в область насилия, лишения обладания другого. «Магадута, необыкновенно сильный человек, находивший удовольствие в оскорблении людей...»¹, – далее он становится разбойником. Нельзя сказать, что удоволь-

¹ Обратный случай: «Раньше я получал удовольствие оттого, что кто-то на меня злился. А теперь я понял, что любой человек, если к нему относиться

ствие героев рассказа Шкловского продвигается именно по этому пути, ведь озлобленность потерпевших оставляет их довольно равнодушными и лишь отмечается как дополнительное препятствие. Их удовольствие балансирует на тонкой грани между разными сферами, где оно могло бы прочно укорениться (нажива, жестокость). Это удовольствие адреналина в кровь лишь на переходе «спящего электрического разряда», и в мысленном движении, скорости перемещения, обеспечиваемой похищаемыми автомобилями, т.е. тоже продлеваемой границе пространства. Из сокровищницы магазина нужно всегда вернуться в свой мир, но из своего мира нужно все время попасть снова в сокровищницу. Любование, как промедление у границы из своего мира не может удовлетворить до конца, начинается похищение, но оно все время возвращает в свой мир любования, из которого снова возникает потребность в границе. Притча знает случаи удовольствия от убийства: «но грех засчитывается лишь тогда, когда ты убиваешь без надобности и получаешь от этого удовольствие» («Что делать с бабочкой», даосская притча); «оса, мерзкое и отвратительное насекомое, которое жалит только из удовольствия причинять неприятность и боль» («О происхождении клеветников», притча В. Дорошевича); удовольствие получает повелитель ада Пурнак от метаморфоз грешников («Сон индуса», притча В. Дорошевича), – подобного нет в рассказе, хотя мотив тесной связи преступления и удовольствия и пробуждает ассоциации с де Садом, у которого одно без другого вообще невозможно, равно как и без насилия. Извращенная человеческая природа получает удовольствие от чужих несчастий и собственного благополучия на их фоне. «Когда выражается соболезнование о несчастье другого, я слышу удовольствие и удовлетворение, как будто соболезнующий на самом деле доволен, будто в своем собственном мире он остается в выигрыше» («Искренний голос», дзенская притча, – только в голосе мастера слепец всегда слышал искренность). В этом смысле повествование рассказа Шкловского – это монолог благоразумного, с облегчением сознающего, что сам он уцелел, хотя судьба друга очень печальна.

В то же время есть притчи, говорящие, что нельзя лишать себя удовольствий, как естественно присущего человеческой природе стремления. Удовольствие, как наиболее полный опыт духовной жизни, единственное «имущество» человека, которое имеет значение¹. В притче Ошо «Отсрочка» о встрече Диогена и Александра по ту сторону смерти, мудрец говорит, «переходя реку»: «Но ты не понимаешь, ты не знаешь, кто император, а кто нищий. Потому что я прожил свою жизнь тотально, полно, я получил удовольствие, я могу предстать перед Богом. А ты не сможешь предстать перед Богом. Загляни

бережно, может мне что-то дать. Все ваши соседи – мои клиенты» (А. Якушев, «Получить больше»). Удовольствие заменяется выгодой, которая оказывается более подходящей для повседневной жизни. Лапа стремился сделать идентичными эти понятия.

¹ Впрочем, удовольствие все-таки может и лишать именно этой полноты. Царь, прикоснувшийся к духовному миру, сокрушается: «Я – человек, который не обладал полнотой основных свойств, но увлекался наслаждениями. Поэтому осудят меня», он «сумел исчерпать наслаждения в своей жизни» («Владеющий силой превращения», даосская притча).

внутри себя! Что ты получил, побеждая весь мир? Ты даже не можешь смотреть мне в глаза – твоя жизнь прожита зря». В этом смысле жизнь Лапы действительно обладает полнотой, которая, как правило, отсутствует в обычной человеческой жизни. Не случайно рассказчик предполагает для себя: «Мы должны были измениться. Может быть, стать такими же стеклянными», – т.е. непроницаемыми для соблазнов, неподвижными, просматриваемыми окружающими насквозь. «Лапа, впрочем, так не думал» (235), он проживал свою жизнь тотально, сохранял целостность (тогда как рассказчик делит свою жизнь: тогда – сейчас, вместе – по отдельности, наблюдая – похищая – наблюдая и т.п.). В притче того же Ошо «Святой и проститутка» святой попадает в ад, поскольку «Он все время думал о вечеринках и удовольствиях, которые происходили в ее доме. Отголоски музыки, доносившиеся до его дома, волновали его до глубины души. <...> Проститутка всегда жаждала жизни святого, а святой всегда жаждал удовольствий проститутки. Их интересы и подходы, полностью противоположные друг другу, совершенно изменили их судьбу». Удовольствие лучше проживать, (т.е. перерасти его), чем только жаждать (не дорасти, остаться на самом низшем уровне). В этом смысле рассказчик, ведя более моральную жизнь, переходит на более низкий уровень, чем его друг-преступник, поскольку отказ от преступления вызван больше страхом расплаты, чем внутренней потребностью.

Удовольствие, как естественное состояние бытия, нормально для мастера: «Ты говоришь, что от твоего дерева пользы нет. Ну так посади его на просторе Небывалой Страны, водрузи его в краю Беспредельного Простора, да и гуляй вокруг него в свое удовольствие, не утруждая себя заботами, отдыхай под ним безмятежно, предаваясь приятным мечтаниям. Там его не срубят топор, и ничто не причинит урона. Коли нельзя найти пользы, откуда взяться заботам?» («О пользе и заботах», даосская притча). Удовольствие героев Шкловского включает в себя заботы (как не попасться) и пользу (обладание) как неотъемлемую часть, что одновременно и разрушает его, вносит в него элемент неудовлетворенности. Жизнь в полноте удовольствия дает человеку необычные силы, их можно лишить его, внося в эту жизнь элемент раздробленности, нецелостности. В индийской притче «Мальчик и слон» нищий мальчик регулярно останавливает слона короля, держа его за хвост. «Но он ничем не занимается. Он живет ради собственного удовольствия, и народ любит и кормит его, поэтому он никогда не испытывает недостатка в еде. Он счастлив: он ест и спит». Когда мальчик начинает выполнять небольшую наилегчайшую работу за деньги, он терпит поражение, как и предсказывал мудрец, «слон протащил его». У Шкловского заработок (разделение, компромисс) приводит героя к тому же.

Отложенное удовольствие может не состояться никогда, и исправить это невозможно никакими средствами. В суфийской притче «Скряга и Ангел Смерти» «трудом, торговлей и ростовщичеством скряга накопил триста тысяч динаров. У него были земли и строения, и самые разнообразные богатства. Тогда он решил, что проведет один год в развлечениях, живя в свое удовольствие, а потом решит, каким быть его будущему». Именно в этот момент Ангел Смерти явился забрать его жизнь, и не согласился продать ему хотя бы час времени за все его состояние. «Ангел сделал ему единственную уступку, и че-

ловец написал собственной кровью: “Человек, не растеряй свою жизнь. Я не мог купить даже час за триста тысяч динаров. Удостоверься, понимаешь ли ты ценность того времени, которым располагаешь”». В смысле получения удовольствия как удовлетворения страсти Лапа не теряет свою жизнь, однако и скряга всю жизнь удовлетворял свою страсть к накоплению, и лишь ее конец стал концом его жизни. В этом смысле возможности страсти ограничены и в конечном итоге она не дает того, что человек подразумевает под «удовольствием» – все ту же полную беззаботность и бесполезность существования, «будьте как птицы небесные».

«Алчность, и в материальном и в духовном мире, ведет только к банальным удовольствиям. Она не дает вам развиваться, и мешает высшему пониманию. И развеять ее можно, лишь показав вам, насколько тривиальны ваши мысли» («Шепот», суфийская притча), – тривиальными умами управляет любопытство и владеет жадность – эта мысль ставит под сомнение прекрасный мир похитителей авто (и ведь действительно, интерес к автомобилям чрезвычайно тривиален): «мы с жадностью и содроганием сердца проскальзывали туда, ожидая увидеть что-нибудь необычное, потому что после учета всегда появлялось что-нибудь новое. Начиналась новая жизнь». Бесконечная погоня за новизной, а не за истиной – то, от чего предостерегают притчи, а герои рассказа принимают одно за другое, отождествляя их.

Учтеный жалуется ребе: «у меня никогда не хватает времени на удовольствия, доступные другим людям» («Иди своим путем», хасидская притча). Он получает ответ: «Мы склонны делать идола из легкости и предпочитаем молиться удобству, а не истине. Но ведь невозможно определить, кто прилагает больше усилий, а кто меньше. Единственное, что можно утверждать, – это остаемся ли мы верны самим себе в своих усилиях». Удовольствия не плохи сами по себе (например, удовольствие поразмышлять о Боге¹), но могут сбить с пути человека, заставить его блуждать, если они «не его», не органичны ему. Невозможно облегчить свой путь к Богу. В этом смысле удовольствия героев Шкловского заводят их в сугубо языческий мир (не случайны многочисленные аллюзии на мифы о Гермесе): «Неуязвимым он все-таки не был. Магом – да, но не Богом» (235). Понятие Бога тождественно понятию идеального неуязвимого вора.

Удовольствия нужны не тем, кто чего-то достиг на духовном пути, но тем, кто только собрался на него встать. В удовольствиях часто отказывают ученикам. При встрече двух мастеров («Диалог мастеров», индийская притча) «их ученики расположились поблизости, чтобы не пропустить ни единого слова мудрости. Ученики ждали этой минуты, готовились, предвкушая удовольствие. Но беседы не было. Так прошел день, затем второй. И вот настало время прощаться. Ученики были разочарованы». Ученики склонны получать удовольствие от обучения. «Однажды ученики к своему удовольствию получили великолепный пример, подтверждающий истину этих слов» («Привязанности и восприятие», современная притча). В занятиях даосов безнадежный ученик

¹ В загробном мире слова «наслаждение» и «польза» могут быть синонимами, поскольку речь идет о разговоре о Боге («Один божественный час», индийская притча).

видит лишь удовольствия. (Пу Сунлин, «Даос с гор Лао»). Мастер отказывает в ученичестве человеку: «Пока ты убежден, что питаешь неприязнь к тщеславию и что не получаешь удовольствия от того, что другие полагаются на тебя, не можешь. То, что мы должны продавать, доверено нам его хозяином. И не следует отдавать это за такую жалкую плату, как физическое страдание, деньги, которые люди хотят заплатить, чтобы приобрести нечто, или за чувственное удовольствие, принимаемое за служение Богу» («Испытание Далила», суфийская притча). Будда советует ученикам постоянно размышлять: «возникли ли в моих помыслах от воспринятых глазами образов удовольствие, вожделение или ненависть, смущение или гнев? <...> Если же он увидит, что свободен от всех дурных и вредных побуждений, то должен быть доволен и весел» («Пристально всматривайтесь в себя», буддийская притча)¹. Удовольствие – это то, что человек естественно ищет и находит, не отдавая себе в этом отчета. В момент рефлексии он склонен от удовольствия отказаться. В дзенской притче «Без привязанности» Китано почувствовал: «Такое удовольствие может разрушить медитацию. Пока это не зашло далеко, надо остановиться». И он выбросил трубку и табак. Точно так же он впоследствии отказался от искусства предсказаний и поэзии. Вероятно, есть опыт дальше удовольствия, лежащий за ним, однако, судя по другим притчам, его нельзя достигнуть просто отказавшись от удовольствия, не испытав, до него. В то же время совсем не испытывать удовольствия способен только мертвец (они никак не выражают удовольствия от похвалы и негодования от брани, таким же бесчувственным должен стать монах в христианской притче «Хвала и брань покойникам»). Удовольствие способно мимикрировать под другие состояния, быть неузнанным как удовольствие и принятым за нечто другое. Научиться распознавать состояние удовольствия (чтобы преодолеть их и пойти дальше) – задача для избравших духовные поиски. В суфийской притче «Чудо царственного дервиша» говорится: «Вы двое дивились Ибрагиму. Но чем вы пожертвовали, чтобы следовать по Пути дервишей? Вы всего лишь отказались от удобств обычной жизни. Ибрагим бен Адхам был могущественным правителем, и чтобы стать суфием, он отрекся от султаната в Балхе. Вот отчего он опередил вас. И потом, вы все эти тридцать лет испытывали удовольствие от своего отказа – это и было вашей наградой. Он же всегда воздерживался от притязаний на награду за свою жертву». Ибрагим отрекся от удовольствия и не обменял его на новое, в то время как другие лишь сменили одно удовольствие на другое. В каком-то смысле рассказчик не столько друг по интересам, сколько внимательный ученик продвинутого мастера, он учится его искусству, но не решается идти до конца, останавливается на рефлексии своих ощущений, удовольствий. Лапа же герой исключительно поступка, свершения².

¹ О пустоте: «Она не получает наслаждения от удовольствий и не страдает от боли» («Письмо умирающему», дзенская притча).

² Еще о предпочтении поступка мысли: сын раввина, от которого ждут нового толкования Торы, говорит, «что он с удовольствием поделится» им. Речь идет о законах гостеприимства. («Не слово, а дело», хасидская притча). Он ничего не сказал, но приготовил постели для сна, иначе гости «отдохнули бы только в своем воображении». «Цель духовной практики – очищение обла-

Традиционно под словом «удовольствие» прежде всего понимается удовольствие физической любви. «И девушка радостно ответила: За всю прежнюю жизнь я ни разу не испытала подобного наслаждения. Прошу тебя, завтра отнеси меня туда опять» («Предопределение», суфийская притча). «Днем и ночью думаю я о вас, желая вместе с вами состариться и поседеть, но не наслаждения одной ночи» («Вышитая туфелька», «Стратегема № 11 – Сливовое дерево засыхает вместо персикового»). «...И то, что последовало, не доставило Энджеле никакого удовольствия, а породило энергию, которая всю жизнь оставалась с ней» (об изнасиловании отцом, «Энджела и ее друзья-наставники», притча Крайона; героиня сама выбрала эту судьбу, чтобы улучшить карму жителей планеты, в чем преуспела). Этого мотива рассказ Шкловского совершенно лишен, взросление героев не связано с интересом к женщинам в рассказе об автомобилях (никаких гомосексуальных интенций рассказ также не содержит), возможно потому, что эти два объекта в современной культуре вполне могут быть равнозначны и взаимозаменяемы, на отношения с машиной переносятся модели эротических отношений, в крайних случаях машина может быть и конкуренткой женщины и ее более успешной соперницей («Кристина» С. Кинга). Здесь авто – вообще конкуренты жизни, они заменяют ее собой полностью, поглощают всю душу персонажей. А, возможно, это нужно для того, чтобы расширить представление о человеческих удовольствиях-маниях, не замыкая его на сфере отношения полов.

Человек испытывает удовольствие, когда его желаниям потакают и потворствуют. Так в китайской стратагеме «Расторгнутая помолвка» невестка против женитьбы на определенной некрасивой девушке, но она приняла за нее красотку и теперь «с удовольствием слушала эти восхваления». В брачную ночь жена говорит мужу: «раз уж я знаю, чем ты восхищен, я доставлю тебе удовольствие и удовлетворю твой аппетит» («Легенда о жене рыцаря, древняя притча» – кончается тем, что «жили они долго и счастливо», а по сюжету она помогла ответить рыцарю на вопрос королевы: чего хотят все женщины. Женский вариант удовольствия – исполнение желания). То же «счастье», «жизнь в свое удовольствие» испытывает старуха в индийской притче «Старуха и горшки», горшок удовлетворяет все ее желания и потребности, потому что она относится к нему как к сыну. Этого в рассказе Шкловского нет в принципе. Хотя «авто» продают женщины, ни одна не кинется отдавать их просто так, да и смысл удовольствия здесь в получении недоступного, а не того, что само приходит.

Удовольствие испытывает тот, кто полностью удовлетворен своей работой, довел ее до задуманного конца. Учитель: «часто читал проповеди. На них слушатели задавали ему множество вопросов, на которые он с удовольствием отвечал» («Настоящие желания», суфийская притча), при правильной формулировке ученика учитель отвечает: «Теперь все в порядке, скажи, что произошло. Теперь я с удовольствием послушаю» («Учитель я пришел», даосская притча); земледелец: «Тогда он сел на землю и с восторгом смотрел, как поток воды бежал к его полю. Его ум был спокоен и счастлив. Он пошел домой, по-

чений души» (мысли, слова, деяния), «Чтобы действительно очистить мысль, нужно не думать, а действовать» – такие комментарии даются к этой притче.

звал жену и сказал: “Теперь дай мне поесть и набей мою трубку”. – Он умылся, с удовольствием поел и заснул глубоким сном» («Твердая решимость», индийская притча). Работа может не доставлять никакого удовольствия, но она выполняется, если радуют ее итоги. «Радже, в сущности, не могло доставить особого удовольствия бросаться ежедневно живьем на огромную раскаленную сковороду с кипящим маслом, и он с полным сознанием мог сказать, что честно зарабатывает свои десять пудов золота» («Великодушные раджи», индийская притча, – а деньги затем раздает нищим, удовольствие щедрости).

Одно из традиционных удовольствий – путешествия, либо же истории о них. «Когда стемнеет, ты мне расскажешь о твоём путешествии, я с удовольствием слушаю истории о чужих странах, – прошептал папоротник» («Два жука», христианская притча). Это удовольствие путешествия на «иную планету» испытывает рассказчик и Лапа в рассказе.

Сокровища сами управляют стремящимся к ним. Так в притче Омара Хайяма «Царь Нушинраван и брадобрей» царь (имя которого означает «имеющий бессмертную душу») слышит от брадобрея странный ответ на свои мысли. «Если ваше величество отдаст свою дочь Залири за меня, я избавлю вас от мыслей о войне с Византией и о ее императоре! – Царь был поражен наглостью брадобрея и сам себе сказал: “Что несет этот человек?” Но у того в руках бритва, и неизвестно куда его могло бы завести помутнение рассудка. Поэтому царь, стараясь быть спокойным, сказал: “С удовольствием, но только после того, как ты меня побреешь”». Здесь «с удовольствием» означает вежливость ради самосохранения. За брадобрея говорили тайные сокровища, над которыми он стоял, притча заканчивается такими словами: «арабы говорят: “Кто видит сокровище под своими ногами, тот требует выше своего достоинства”». В суфийской притче «Алчность упрямота» формулу «с удовольствием» Простак, одержимый желанием присвоить сокровища духа, ему не принадлежащие и поэтому отвергающий все сокровища, щедро рассыпаемые судьбой на его пути, использует для исполнения просьбы тигра, в финале притчи тот его съедает, как «идиота». В рассказе Шкловского легкость добывания «сокровищ» приводит героя в тот мир, где более ценные сокровища более серьезно охраняются, он «требует выше своего достоинства», а это сопряжено со смертельной опасностью, как в притче. Отказывает себе в удовольствиях, связанных с «широкой известностью» как страшной опасностью Старый Политик в притче А. Бирса «Политики», тогда как молодой и неопытный к ним стремится.

В то же время удовольствия – самостоятельно значимая среди «прочих целей жизни»: «А не предпочел ли бы взамен его богатства, удовольствий, могущества или любви, сын мой?» («Как стать мудрым», суфийская притча, – речь идет о человеке, которому перекрыт доступ воздуха). Удовольствия не равны богатству, власти и любви, но равно с ними противопоставлены духовной мудрости, к которой нужно стремиться, как к воздуху. Так и в рассказе Шкловского удовольствие не равнозначно им, но и вне мудрости¹.

¹ Бог смерти Яма разъяряет ученику: «Действительно, дитя мое, совершенство – одна вещь, а наслаждения – другая. Эти две вещи, имея различные результаты, определяют человека. Тот, кто выбирает совершенство, становится чистым; тот же, кто выбирает наслаждения, не достигает истинной цели.

Удовольствие, которое испытывают герои Шкловского, это удовольствие от красоты. Красота – источник наслаждения и в притче, правда, красота божественного происхождения и живая. «Созерцание красивых лиц улучшает настроение людей и радует их так же, как и счастливое сочетание небесных светил», «созерцание красивого лица доставляет человеку истинное наслаждение» («Притча о красивом лице» Омара Хайяма). «Некоторые полагают, что красивое лицо дается Создателем в награду за заслуги в прежней жизни, другие считают этот дар случайным дождем милости Господа и полагают, что получивший этот дар обладает способностью совершать чудеса и легко находить кратчайший путь к истине». Рассказчик лицом не обладает вообще, поскольку на себя не смотрит, лицо Лапы не красиво. Не неся красоты в себе, они красоте похищают, одушевляя ее собой (вместо небесных светил – миры иных планет). Лапа «совершает чудеса», но не из-за красоты, а для ее обладания, и находит «кратчайший путь» к ней, а не к «истине» (в ней для него и есть истина, а затем самоцелью, по мысли рассказчика, становится сам «кратчайший путь»).

Как говорит один из двух героев притчи Г. Гессе «Исповедники», «Мифы... никоим образом не заблуждения. Это представления и притчи некой веры, в которой мы уже не нуждаемся, ибо мы обрели веру в Иисуса» (курсив мой. – М.Б.). Мир, созданный в рассказе, – тоже своего рода миф, который может быть понят и как притча и, соответственно, рассмотрен в этом контексте. Не заимствуя и не обрабатывая никаких конкретных притчевых мотивов, рассказ, тем не менее, создает сложную отражающую структуру, которая дает возможность увидеть отсветы и отголоски многих из них. Притчи, отдаленно перекликающиеся с текстом, позволяют проявить в нем неявные смыслы, прояснить намеки, логику метафор и сюжетных ходов. Мотив удовольствия, движущий повествованием и в то же время завуалированный в нем, прорисовывается четче именно в зеркале притчи, знающей готовые ответы на вопросы о его сущности и формах, причем не только отрицающей его, как могло бы показаться, исходя из специфической учительной направленности этого жанра, но и оправдывающей его, и использующей в своих целях.

М.М. Бахтин писал: «Задача заключается в том, чтобы вещную среду, воздействующую механически на личность, заставить заговорить, то есть раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей (в том числе и творящей) личности»¹. Он же говорил о «несказанном» как о «передвигающемся пределе, ...«регулятивной идее» (в кантовском смысле) творческого сознания»². Именно эту задачу пытается выполнить рассказ Шкловского, делает предметом порождения мира смыслов вещь и события вокруг нее. «Смысл не может (и не

Совершенство и наслаждение сами предлагают себя человеку, и только мудрый исследует их и отличает одно от другого. Он выбирает совершенство как высшее по сравнению с наслаждением; но глупый выбирает наслаждение ради своего тела» («Наслаждение и совершенство», индийская притча).

¹ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 366.

² Там же. С. 365.

хочет) менять физические, материальные и другие явления, он не может действовать как материальная сила. Да он и не нуждается в этом: он сам сильнее всякой силы, он меняет тотальный смысл события и действительности, не меняя ни йоты в их действительном (бытийном) составе, все остается как было, но приобретает совершенно иной смысл (смысловое преобразование бытия). Каждое слово текста преобразуется в новом контексте»¹. Все события, зафиксированные в тексте, должны быть подвергнуты многократному осмыслению и переосмыслению, чтобы оформился их подлинный смысл, мало ведомый самим героям, но чувствуемый и ощущаемый ими, для этого текст структурирован и переполнен зеркалами соответствий, отражениями контекстов. Восточная притча и мотив удовольствия в ней – один из вариантов «несказанного», в отношении к которому формируется смысл этого рассказа, в результате соотнесенности с которым вещь мира раскрывается словом о человеке.

¹ Там же. С. 367.